

Анисимова И.Ю.^{*1}, Рамазанова Ф.С.², Такижбаева Н.З.³

¹*докторант Phd, УО «Alikhan Bokeikhan University», Семей, Қазақстан*

E-mail: irina.11@mail.ru

²*кандидат исторических наук, УО «Alikhan Bokeikhan University», Семей, Қазақстан*

E-mail: ramazan16@list.ru

³*кандидат исторических наук, доцент профессиональной кафедры международных отношений*

Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана,

Алматы, Қазақстан

E-mail: takizhbayeva@mail.ru

НАУЧНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СООБЩЕСТВА УЧЁНЫХ-ИСТОРИКОВ г. СЕМИПАЛАТИНСКА (90-е годы XX века)

Аннотация

Социальная роль историка не менялась со времён Геродота, считавшего главной целью истории стремление сохранить для человечества проделанный ценный опыт. Значение труда представителя исторической науки в любом обществе трудно переоценить – они закладывают фундамент исторического сознания, являются хранителями и проводниками достоверных знаний о мире. Поэтому к изучению историка, его «жизненного мира», идеалов, социокультурной среды, в рамках «повседневной истории» – нового направления исторических исследований – обращается всё больше учёных. Научное сообщество историков г. Семипалатинска (с 2007 года – город Семей [1]) 90-х годов XX века является объектом данного исследования, а предметом – научная повседневность («производственная сфера» деятельности учёных), реконструированная авторами на основе анализа ряда её составляющих: мотивации выбора профессии, социального самочувствия учёного, выбора научной проблематики, структуры времени, особенностей коммуникации в научной среде и др. В целом, ставится задача показать процесс трансформации научной повседневности учёных по мере осуществления ими профессиональной деятельности как результата внешних воздействий, внутреннего состояния сообщества учёных и индивидуальности историка.

Историк трудится в конкретной социальной среде и в конкретное социальное время, оказывающих влияние на его деятельность. Актуальность статьи обусловлена локальным и временным подходом к рассмотрению проблем научной повседневности. Выбор места и времени исследования не случаен: Семей – один из культурно-исторических центров не только Восточного Казахстана, но и всей республики: великие имена Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова, значимые для мировой культуры, связаны с историей города; обилие исторических и археологических достопримечательностей; приоритетные позиции образования и просвещения. Представители исторической науки города переломных 90-х годов внесли свой вклад в развитие культуры, становление и развитие исторической науки нового независимого Казахстана.

В выборе методологии и методов исследования предпочтение было отдано историко-антропологическому и генерационному подходам, связанным с изучением человеческого фактора в истории и влияния социальной и культурной среды на личности учёных, составляющих поколение. Также применялись традиционные для истории проблемно-хронологический и историко-генетический методы, позволившие осветить этапы профессионального становления историков г. Семипалатинска во взаимосвязи с предшествующими поколениями, сделана попытка использования современных методик устной истории («oral history»).

Ключевые слова: повседневная история, антропологический поворот, структуры повседневности, научная повседневность, жизненный мир, поколение, микроистория

И.Ю. Анисимова^{*1}; Ф.С. Рамазанова²; Н.З. Такижбаева³

¹*Phd докторанты, "Alikhan Bokeikhan University" ББМ, Семей, Қазақстан*

E-mail: irina.11@mail.ru

²*т.ғ.к., "Alikhan Bokeikhan University" УО, Семей, Қазақстан*

E-mail: ramazan16@list.ru

³*т.ғ.к., Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің*

Халықаралық қатынастар кәсіби кафедрасының доценті, Алматы, Қазақстан

СЕМЕЙ ҚАЛАСЫНЫҢ ТАРИХШЫ-ҒАЛЫМДАРЫ ҚАУЫМДАСТЫҒЫНЫҢ ҒЫЛЫМИ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІРІ (XX ҒАСЫРДЫҢ 90-ШЫ ЖЫЛДАРЫ)

Аңдатпа

Тарихшының әлеуметтік рөлі Геродоттың заманынан бері өзгерген жоқ, ол тарихтың басты мақсаты адамзат үшін жасалған құнды тәжірибені сақтауға деген ұмтылыс деп санады. Кез – келген қоғамдағы тарих ғылымы өкілдерінің еңбегінің маңыздылығын асыра бағалау қиын-олар тарихи сананың негізін қалады, әлем туралы сенімді білімнің сақтаушылары мен жетекшілері болып табылады. Сондықтан тарихшыны, оның "өмір әлемін", идеалдарын, әлеуметтік – мәдени ортасын зерттеуге "күнделікті тарих" аясында – тарихи зерттеулердің жаңа бағыты-көбірек ғалымдар жүгінуде. Тарихшылардың ғылыми қауымдастығы Семей қаласы (2007 жылдан бастап – Семей қаласы [1]) XX ғасырдың 90-жылдарында осы зерттеудің объектісі болып табылады, ал пән – авторлар оның бірқатар құрамдас бөліктерін талдау негізінде қайта құрған ғылыми күнделікті өмір (ғалымдар қызметінің "өндірістік саласы"): мамандықты таңдау мотивация-сы, ғалымның әлеуметтік әл-ауқаты, ғылыми проблематиканы таңдау, уақыт құрылымы, ғылыми ортадағы коммуникацияның ерекшеліктері және т.б. Тұтастай алғанда, ғалымдардың сыртқы әсерлері, ғалымдар қауымдастығының ішкі жағдайы және тарихшының даралығы нәтижесінде кәсіби қызметін жүзеге асыра отырып, олардың ғылыми күнделікті өмірінің өзгеру процесін көрсету міндеті қойылады.

Тарихшы белгілі бір әлеуметтік ортада және оның қызметіне әсер ететін нақты әлеуметтік уақытта жұмыс істейді. Мақаланың өзектілігі ғылыми күнделікті мәселелерді қарастыруға жергілікті және уақытша көзқараспен байланысты. Зерттеудің орны мен уақытын таңдау кездейсоқ емес: Семей – Шығыс Қазақстанның ғана емес, бүкіл республиканың мәдени-тарихи орталықтарының бірі: әлемдік мәдениет үшін маңызды Абай, Шәкәрім, Мұхтар Әуезовтің ұлы есімдері қала тарихымен байланысты; тарихи және археологиялық көрікті жерлердің көптігі; білім мен ағартудың басым ұстанымдары. 90-шы жылдардағы бұрылыс қаласындағы тарих ғылымының өкілдері жаңа тәуелсіз Қазақстанның мәдениетін дамытуға, тарих ғылымының қалыптасуы мен дамуына өз үлестерін қосты.

Зерттеудің әдіснамасы мен әдістерін таңдауда тарихтағы адами факторды және ұрпақты құрайтын ғалымдардың жеке басына Әлеуметтік және мәдени ортаның әсерін зерттеуге байланысты тарихи-антропологиялық және генеративті тәсілдерге басымдық берілді. Сондай-ақ, тарих үшін дәстүрлі проблемалық-хронологиялық және тарихи-генетикалық әдістер қолданылды, бұл Семей қаласының тарихшыларының алдыңғы Ұрпақтармен өзара байланыста кәсіби қалыптасу кезеңдерін жарықтандыруға мүмкіндік берді, ауызша тарихтың заманауи әдістерін қолдануға әрекет жасалды ("oral history").

Кілт сөздер: күнделікті тарих, антропологиялық бұрылыс, күнделікті құрылым, ғылыми күнделікті өмір, өмір әлемі, ұрпақ, микро тарих

I.Y. Anissimova^{*1}; F.S. Ramazanova²; N.Z. Takizhbaeva³

*¹ PhD student, Educational institution "Alikhan Bokeikhan University", Semey, Kazakhstan
E-mail: irina_11@mail.ru*

*² candidate of historical sciences, Educational institution "Alikhan Bokeikhan University",
Semey, Kazakhstan ramazan16@list.ru*

*³ candidate of historical sciences, Associate Professor of the Professional Department of International Relations
of the Abylai Khan Kazakh University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan
E-mail: takizhbayeva@mail.ru*

SCIENTIFIC EVERYDAY LIFE OF THE COMMUNITY OF SCIENTISTS-HISTORIANS OF SEMPALATINSK (THE 90s OF THE XX CENTURY)

Abstract

The social role of the historian has not changed since the time of Herodotus, who considered the main goal of history to be the desire to preserve valuable experience for humanity. It is difficult to overestimate the importance of the work of representatives of historical science in any society – they lay the foundation of historical consciousness, are the keepers and conductors of reliable knowledge about the world. Therefore, more and more scientists are turning to the study of the historian, his "life world", ideals, socio-cultural environment, within the framework of "everyday history" – a new direction of historical research. Scientific Community of historians of Semipalatinsk (since 2007 – the city of Semey [1]) of the 90s of the XX century is the object of this study, and the subject is scientific everyday life (the "production sphere" of scientists' activities), reconstructed by the authors based on the analysis of a number of its components: motivation for choosing a profession, social

well-being of a scientist, the choice of scientific issues, the structure of time, features of communication in the scientific environment, etc. In general, the task is to show the process of transformation of the scientific everyday life of scientists as they carry out their professional activities as a result of external influences, the internal state of the community of scientists and the individuality of the historian.

The historian works in a specific social environment and at a specific social time that influence his activities. The relevance of the article is due to the local and temporary approach to the consideration of the problems of scientific everyday life. The choice of the place and time of the study is not accidental: Semey is one of the cultural and historical centers not only of Eastern Kazakhstan, but also of the whole republic: the great names of Abai, Shakarim, Mukhtar Auezov, significant for world culture, are associated with the history of the city; the abundance of historical and archaeological sites; priority positions of education and enlightenment. Representatives of the historical science of the city of the crucial 90s contributed to the development of culture, the formation and development of historical science of the newly independent Kazakhstan.

In choosing the methodology and research methods, preference was given to historical-anthropological and generational approaches related to the study of the human factor in history and the influence of the social and cultural environment on the personalities of scientists who make up the generation. Traditional historical problem-chronological and historical-genetic methods were also used, which made it possible to highlight the stages of professional formation of historians of Semipalatinsk in connection with previous generations, an attempt was made to use modern methods of oral history ("oral history").

Keywords: everyday history, anthropological turn, structures of everyday life, scientific everyday life, life world, generation, microhistory

Введение. Следуя тенденции к «антропологизации» в исторической науке в результате так называемого «историко-антропологического поворота» в гуманитарной мысли двадцатого века, все больше историков обращается к изучению отдельно взятого человека как главного компонента социальной жизни, и это обуславливает возрастающий интерес к истории повседневности и интеллектуальной истории. Как считает российский исследователь повседневности Н.В. Кефнер, «феномен возрастающего интереса к проблемам интеллектуальной истории вписывается в антропологический поворот современной историографии» [2, с.2]. В связи с этим, исследование социальной среды, в которой происходит формирование историка как профессионала, изучение научных школ и сообществ историков становится особенно важным.

Научное сообщество историков г. Семипалатинска 90-х годов XX века является объектом данного исследования, а предметом – научная повседневность («производственная сфера» деятельности учёных), реконструированная авторами на основе анализа ряда её составляющих: мотивации выбора профессии, социального самочувствия учёного, выбора научной проблематики, структуры времени, особенностей коммуникации в научной среде и др. В целом, ставится задача показать процесс трансформации научной повседневности учёных по мере осуществления ими профессиональной деятельности как результата внешних воздействий, внутреннего состояния сообщества учёных и индивидуальности историка.

Для реконструкции картины научной повседневности одного из поколений историков г.Семипалатинска был сделан анализ её основных компонентов: мотивации выбора профессии, социального самочувствия учёного, выбора научной проблематики, структуры времени историка, особенностей коммуникации в научной среде учёных-историков и других.

Актуальность данного исследования обусловлена локальным подходом к рассмотрению проблем научной повседневности профессионального сообщества историков. В рассматриваемый период город Семей, до 2007 года – Семипалатинск, был одним из городов Казахстана, где активно развивалась историческая наука.

Семей – один из культурно-исторических центров не только Восточного Казахстана, но и всей республики, один из сакральных регионов в истории казахов. Его история насчитывает несколько веков. Великие имена Абая, Шакарима, Мухтара Ауэзова, значимые для мировой культуры, связаны с историей города. Регион известен своими историческими и археологическими достопримечательностями: древними городами, мавзолеями и памятниками архитектуры. В Семее образование и просвещение всегда занимали приоритетные позиции: здесь находится множество учебных и научных заведений, которые вносят значительный вклад в развитие образования и науки в стране. Как отметил Президент РК К.-Ж.К.Токаев: «Семей – одно из важных сакральных мест в истории Казахстана. Город Семей, играющий особую роль в духовном развитии страны, следует обозначить как исторический центр» [3].

Выбор периода для данного исследования также не случаен. Именно в переходные периоды, в частности в 90-е годы двадцатого века, историческая наука Казахстана приобретает особенно важное значение для развития общества, поскольку она даёт возможность через аналогии исторического опыта найти ответы для решения проблем современности, помогает народу осознать себя субъектом исторического процесса.

Социокультурные условия развития казахстанской исторической науки в 90-е годы двадцатого века были неоднозначными. С провозглашением Казахстаном государственного суверенитета перед исторической наукой встала задача объективно воссоздать историю Отечества. Разработанная в 1995 году Институтом истории имени Ч. Валиханова под руководством академика М. К. Козыбаева «Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан» обозначила главные проблемы исторической науки, наметив пути их решения в переходный период, и была направлена на поиск основных ориентиров исторического сознания. Целью Концепции являлось определение основных приоритетов государственной политики в формировании исторического сознания [4]. В соответствии с принятой Концепцией изменились приоритеты казахстанской исторической науки, и на первый план вышли проблемы переоценки накопленного исторического материала, проблемы методологии исторических исследований, стали актуальными вопросы этнической истории и этногенеза казахского народа. Как отмечает И. М. Козыбаев в монографии «Историческая наука Казахстана (40-80-е годы XX века)», даже в это время перемен историки испытывали идеологическое давление, которое успешно маскировалось за перестроечными новациями. Но апрельские события восьмидесяти пятого года уже подготовили почву для перемен в общественных науках 90-х годов [5].

Оценку роли и задач исторической науки в процессе строительства независимого Казахстана дает казахстанский историк С. Ф. Мажитов в книге «Историческая наука Казахстана: современное состояние и тенденции развития». Рассматривая развитие исторической науки 90-х годов, С. Ф. Мажитов отмечает важность серьёзных аналитических изысканий историков, так как от того, насколько правдиво и беспристрастно толкуются исторические факты, зависит историческое сознание, а непрофессионализм и вольное обращение с источниками могут негативно на него повлиять. Он отмечает, что «путаница в истории приводит к непоследовательности политики и непониманию происходящих событий простым человеком» [6, с.18].

Поколению историков 90-х годов двадцатого века предстояла огромная работа: определить место Казахстана в мировой истории, создать корпус историков нового поколения для решения задач формирования исторического сознания в новом независимом Казахстане. Коренная ломка всей структуры политических институтов в 90-е годы, а с ней и государственной идеологии, способствовала деидеологизации исторического сознания, когда в прошлое ушли тоталитарное сознание и мышление.

Интерес к научному сообществу историков характерен для европейского направления интеллектуальной истории, представленной трудами Р. Коллинза, П. Бурдьё, К. Боулинга, Д. Саймонтона. Для реконструкции научной повседневности ученых-историков г. Семипалатинска использовались тезисы работ Д. Саймонтона о наличии двух этапов в формировании учёного: формирующего и продуктивного.

Стоит отметить работы российских исследователей, изучавших секреты профессии историка, таких как Д. А. Александров, Л. А. Сидорова, Н. В. Кефнер, В. П. Корзун, И. Н. Смирнова, А. А. Смирнова, В.А. Антипина.

В исследовании применялось понятие «научная повседневность» в трактовке российских повседневноведов Н.В. Кефнер, Д.А. Александрова, В.А. Антипиной, а также сущность и характеристика генерационного подхода, обоснованного в работах Л. А. Сидоровой.

Труды, посвящённые рассмотрению проблем развития казахстанской исторической науки, таких историков-исследователей, как академик Национальной Академии наук Республики Казахстан М.К. Козыбаев, доктор исторических наук С.Ф. Мажитов, доктор исторических наук И.М. Козыбаев и других, носят в основном обобщающий характер, в них затрагиваются отдельные аспекты научной повседневности казахстанских историков: взаимодействие науки и власти, идентификация учёного-историка, стереотипы поведения в соответствии с условиями времени.

Материалы и методы. Научная повседневность семипалатинских историков 90-х годов двадцатого века была реконструирована авторами статьи на основе архивных материалов и вторичных источников, полученных методом «oral history». При написании статьи использовался комплекс неоднородных источников Центра Документации Новейшей истории г. Семей, таких как штатные формуляры педагогического состава вузов города и штатные расписания, годовые планы и отчёты научно-исследовательской работы кафедр, годовые отчёты кафедр и протоколы заседаний кафедр, справки о самоаттестации вузов, характеристики преподавателей кафедр и другие.

Новизна исследования заключается в том, что научная повседневность профессионального сообщества историков г. Семипалатинска 90-х годов двадцатого века была воспроизведена на основе как макросоциальных, так и микросоциальных факторов. Повседневная научная деятельность рассматривается с двух точек зрения: и как условие, способствующее формированию учёного, и как результат его научной и педагогической деятельности. На основе анализа архивных материалов был создан формализованный портрет поколения семипалатинских историков девяностых годов. Кроме того, разработана анкета «Научная и социально-экономическая повседневность профессионального сообщества историков г. Семипалатинска (90-е годы XX века)» и проведён ряд глубинных интервью, что позволило сформировать и использовать новые источники методом «oral history», создать свой архив устных источников. Кроме того, для составления формализованного портрета семипалатинских историков 90-х годов двадцатого века использовались социологические методики, применявшиеся на основе анализа качественных и количественных характеристик архивных материалов, таких как штатные формуляры профессорско-преподавательского состава вузов города.

В выборе методологии и методов исследования предпочтение было отдано историко-антропологическому подходу с целью детального исследования повседневной научной жизни рассматриваемой социальной группы. Междисциплинарный характер работы определяется ее осуществлением на пересечении историографии, социальной истории, культурологии и устной истории.

Также применялся традиционный для истории проблемно-хронологический метод исследования, позволивший осветить этапы профессионального становления семипалатинских историков, и историко-генетический метод, раскрывающий процесс формирования научного поколения историков во взаимосвязи с предшествующими поколениями.

Обсуждение. Необходимо отметить, что сам термин «научная повседневность» является, по мнению исследователей повседневности, недостаточно проработанным и в достаточной степени дискуссионным.

Российский исследователь повседневной истории Н. В. Кефнер в диссертационном исследовании «Научная повседневность послевоенного поколения советских историков» [2] отмечает, что, как правило, термин «быт» является полярным по отношению к понятию «производственная сфера», чем в данном исследовании является научная деятельность сообщества историков. Однако повседневноведы включают профессиональную научную деятельность в пространство повседневной жизни, исследуя мотивы выбора профессии, коммуникации в профессиональной среде, социальное положение работников научной сферы. Этой же точки зрения придерживается российский историк Д. А. Александров, полагая такой подход достаточно продуктивным и видя возможность экстраполировать его на историческую науку. Он отмечает в своей работе «Методологические проблемы историко-научных исследований», что наука представляет собой сумму разновидностей повседневной жизни представителей научного сообщества [7]. Другой российский повседневновед В. А. Антипина в диссертационном исследовании «Повседневная жизнь советских писателей в 1930-х начале 1950-х гг.» поднимает проблемы, связанные со значимостью форм «интеллектуальной» коммуникации для научной повседневности [8].

Таким образом, категория «научная повседневность» понимается российскими учеными как определенный жизненный уклад в науке, как структурный компонент жизненного опыта ученого, включающий обычаи, поведенческие стереотипы ученого, обусловленные их личными качествами и социокультурной, в том числе внутринаучной средой. Н. В. Кефнер в своей работе высказывает гипотезу о том, что научная повседневность становится и условием научной деятельности историков, воздействуя на них, и в то же время продуктом, так как сама подвержена трансформации [2].

При реконструкции научной повседневности отдельных поколений учёных американский исследователь психологии творчества Д. Саймонтон в книгах «История и выдающийся человек» и «Научный гений: психология науки», прослеживая развитие научного работника, различает две фазы — формирующую и продуктивную. Именно на этом этапе деятель науки больше всего подвержен влиянию многочисленных внешних факторов, таких как политическая нестабильность, социальные конфликты [9]. Формирующий этап позволяет будущему учёному определиться с профессиональным выбором, овладеть знаниями, методами познания, узнать нормы научного сообщества [10].

В продуктивном периоде жизни учёного, когда начинают действовать сформированные ценностные установки и идеалы, остро ставится вопрос о нравственной ответственности и моральном облике историка. И. М. Козыбаев в книге «Историография Казахстана: уроки истории» выделяет четыре варианта возможного поведения историка, стоящего перед выбором изучения и оценки какого-либо исторического события или периода: во-первых, попытка сказать правду не взирая на последствия, во-вторых, фальсификация исторических событий, в-третьих, выбор не очень актуальных тем и обход

острых углов, в-четвертых, смена проблематики своих исследований, и, наконец, в-пятых, отказ от занятий историческими исследованиями [11].

Большинство зарубежных, в том числе российских исследователей научной повседневности считают, что для того, чтобы лучше понять сущность, основные проблемы, преемственность научных традиций профессионального сообщества историков, необходимо обратиться к такому феномену, как поколение. Сравнительный метод изучения поколений историков даёт возможность по-новому взглянуть на многие общие проблемы.

Оптимальным вариантом представляется воссоздание картины научной повседневности в рамках одного научного поколения. Наиболее точная характеристика научного поколения историков имеется в трудах российского исследователя повседневности Л. А. Сидоровой, в частности, в её диссертационной работе «Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков», а также в ряде статей по данной проблематике. По её мнению, понятие «поколение историков» надо трактовать как сообщество учёных, чьё профессиональное становление и расцвет исследовательской деятельности относится к одному временному периоду, сформировалось в одной социокультурной среде и имеет характерные особенности [12].

Формулируя сущность генерационного подхода в исторических исследованиях, Л. А. Сидорова обращает внимание исследователей на три направления: первое направление представлено процессом передачи историографической традиции последующим поколениям, второе направление рассматривает методологию и концепции во взаимосвязи; третье направление сфокусировано на тщательном изучении человеческого фактора в истории [13].

Формирование каждого поколения учёных имеет место в определённой социальной и культурной среде, особенности которой накладывают отпечаток на личности учёных, составляющих поколение. Л.А. Сидорова формулирует ряд существенных черт, характеризующих каждое поколение: взаимоотношение науки с властью, политикой и идеологией; формы научной деятельности; стили исследовательской работы; виды коммуникации [14].

Для изучения поколения историков 90-х годов г. Семипалатинска авторами был использован генерационный подход, рассматривающий следующие основные моменты научной повседневности исследуемой социальной группы: факторы, определившие профессиональный выбор историков (жизнен-ная среда, влияние учителя, личностные предпочтения); взаимодействие учёных в профессиональной среде; социокультурные условия, определившие выбор направлений научных исследований. Таким образом, были определены сущностные характеристики генерации историков изучаемого периода.

Результаты. Авторами статьи был создан формализованный портрет сообщества учёных-историков г. Семипалатинска 90-х годов двадцатого века. Для этого привлекались в целях изучения и анализа архивные материалы Центра Документации Новейшей истории г. Семей, характеризующие историков, научных сотрудников институтов, преподавателей вузов г. Семипалатинска.

В изучаемый период на территории г. Семипалатинска осуществляло профессиональную образовательную деятельность, где трудились представители рассматриваемой нами социальной группы (профессиональные историки, занимающиеся научной и педагогической деятельностью), четыре высших учебных заведения: Семипалатинский педагогический институт имени Н. К. Крупской, Семипалатинский государственный медицинский институт, Семипалатинский технологический институт мясной и молочной промышленности, Семипалатинский зооветеринарный институт.

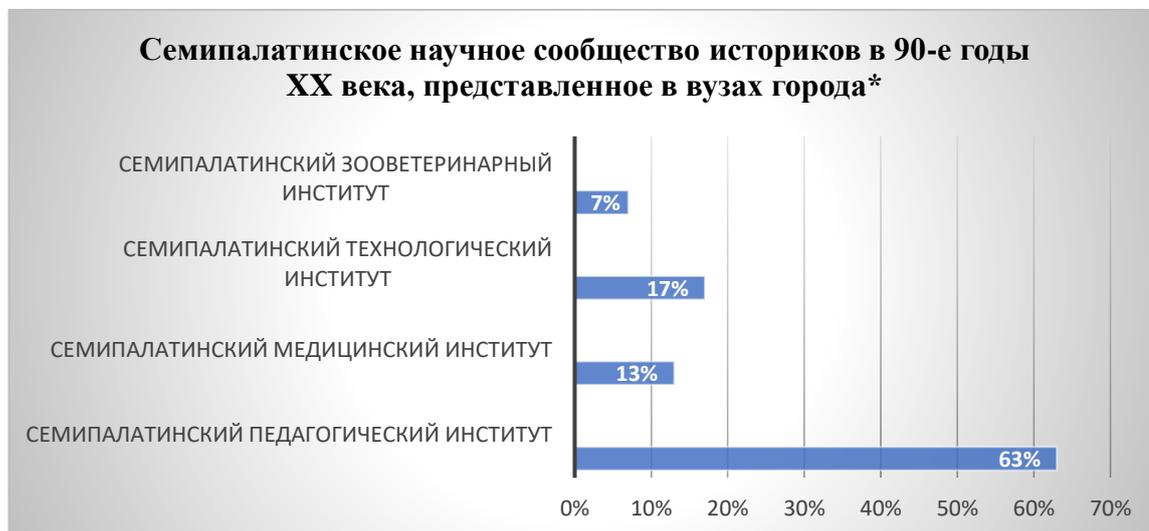
На основе архивных данных ЦДНИ [Центра документации новейшей истории] г. Семей, таких как штатные формуляры профессорско-преподавательского состава вузов города и годовые отчёты кафедр, был проанализирован качественный и количественный состав социальной группы — представителей исторической науки г. Семипалатинска 90-х годов двадцатого века. В целом, можно говорить о 30 персоналиях данного сообщества (докторах и кандидатах исторических наук, доцентах) исследуемого периода [15].

Если рассматривать данную социальную группу в разрезе вузов города, то большая часть из неё приходится на Семипалатинский педагогический институт имени Н. К. Крупской, всего 19 человек. Так, в 1991 году в указанном вузе осуществляли научную и педагогическую деятельность на кафедре социально-политической истории 10 кандидатов исторических наук, на кафедре теории социализма трое учёных, на кафедре истории СССР [Союза Советских социалистических республик] – 4 кандидата исторических наук, на кафедре всеобщей истории – двое учёных [16, Л.5]. В этот же период на кафедре политической истории Семипалатинского медицинского института трудились один доктор и два кандидата исторических наук [17, Л. 23], а историки кафедры политической истории Семипалатинского

технологического института мясной и молочной промышленности по данным Справки о самоаттестации вуза за 1993 год были представлены четырьмя кандидатами исторических наук и одним доцентом [18, Л. 69]. Ещё двое представителей исторической науки города приходились на профессорско-преподавательский состав Семипалатинского зооветеринарного института.

Диаграмма 1 представляет процентное соотношение научного сообщества историков г. Семипалатинска в разрезе вузов города.

Диаграмма 1

*Примечание. Составлена авторами на основе данных [16], [17], [18]

Ядро поколения историков г. Семипалатинска 90-х годов двадцатого века составляют преимущественно люди, родившиеся между 1950 – 1956 годами, средний возраст учёного-историка этого периода равняется 40-45 годам: в 70-е годы они заканчивают вузы (около 65%), а в 80-е большая часть из них (около 72%) защищает кандидатские диссертации. Конечно, социальная группа историков исследуемого периода не была однородной в своём возрастном составе: можно говорить о представителях более старшей генерации, представленной такими учёными, как Р. М. Мынжанов, Г. К. Касенов, Е. Д. Досаев, В. С. Городецкая, В. П. Гноевых, и основной массе учёных-историков 50-60-х годов рождения в лице В. И. Велигура, Р. О. Балгозиной, Ф. С. Рамазановой, М. Х. Матаевой, Г. К. Исаковой, С. М. Борбасова, С. В. Семячко, В. В. Малущенко, Г. К. Исина, Е. Б. Сыдыкова, Ш. А. Курманбаевой, Г. М. Байпеисовой и других.

Штатные формуляры ППС вузов города позволяют проанализировать национальный состав историков г. Семипалатинска, который представлен 59% представителей казахской национальности, 22% русских, 15% украинцев, 4% татар [17]. Диаграмма 2 представляет национальный состав историков г. Семипалатинска.

Диаграмма 2

*Примечание. Составлена авторами на основе данных [16].

В гендерном соотношении семипалатинских историков исследуемой группы превалирует социальная группа женщин (71%), мужская группа учёных-историков составляет 29 процентов. Диаграмма 3 представляет гендерное соотношение в социальной группе учёных-историков г. Семипалатинска.

Диаграмма 3

*Примечание. Составлена авторами на основе данных [14].

Роль СПИ [Семипалатинского педагогического института имени Н. К. Крупской] в подготовке не только педагогических, но и научных кадров была определяющей в регионе. Созданный в 1934 году Семипалатинский педагогический институт имени Н. К. Крупской, в 1993 году переименован в Семипалатинский государственный педагогический институт имени Шакарима, а в 1995 году Постановлением Правительства Республики Казахстан № 1513 и приказом Министерства образования и науки от 1 декабря 1995 года № 304 было принято решение о создании Семипалатинского государственного университета имени Шакарима на базе 3-х институтов (Семипалатинский педагогический институт, Семипалатинский зоотехнический институт, Семипалатинский технологический институт). В настоящее время данное учебное заведение, ставшее alma mater для десятков тысяч выпускников, является старейшим в Восточном Казахстане [19]. В 60 – 80-е годы в его составе, в числе новых факультетов, появляется и историко-педагогический, где на четырёх кафедрах (социально-политической истории, теории социализма, истории СССР, всеобщей истории) осуществляли профессиональную деятельность представители исторической науки города.

Большинство семипалатинских учёных-историков (95%), согласно данным архивных материалов, окончили исторический факультет СПИ и получили специальность «учитель истории» [16, Л. 34]. Из

всей исследуемой категории лишь несколько человек получили высшее образование в других вузах, в частности, в Усть-Каменогорском и Кзыл-Ординском педагогических институтах, Калининском государственном университете.

Следующим этапом подготовки будущего историка являлась аспирантура. В 80-е годы аспирантура по общественным наукам была лишь в трёх из имевшихся в Казахстане 55-ти вузов. Основная масса семипалатинских историков после окончания аспирантуры в КазГУ [Казахский государственный университет имени Кирова], защиты диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук и получения соответствующего диплома, были направлены Министерством просвещения КазССР [Казахской Советской Социалистической республики] в Семипалатинский педагогический институт. В числе бывших аспирантов КазГУ среди профессорско-преподавательского состава СПИ можно назвать С. М. Борбасова, А. Исина, Г. К. Валееву и других [16, Л.35].

Для рассмотрения научной повседневности учёных-историков г. Семипалатинска как определенного жизненного уклада в науке необходимо проанализировать его структурные компоненты, такие как мотивация выбора профессии и социальное самочувствие учёного-историка; выбор научной проблема-тики; структура времени учёного; коммуникация в научной среде с её обычаями и поведенческими стереотипами.

Кто выбирает профессию историка? Какими мотивами он руководствуется? Ответы на вопрос о мотивации выбора профессии и социальном самочувствии у исследуемой социальной группы авторы статьи получили в результате глубинного интервью на тему «Научная и социально-экономическая повседневность профессионального сообщества историков г. Семипалатинска (90-е годы XX века)».

Анализируя интервью с референтной группой (всего 15 человек), авторы статьи пришли к выводу о существенном различии мотивов для поступления на исторический факультет у исследуемого поколения учёных. Большая часть семипалатинских историков сделала свой профессиональный выбор под влиянием таких факторов, как социальная польза и высокий статус профессии, некоторые респонденты отметили связь выбора профессии с яркими событиями и переживаниями детства, а также стремлением поиска ответов на семейные истории. Преподаватель Семипалатинского педагогического института, кандидат исторических наук Ф. С. Рамазанова отмечает: «Всегда гордилась своей профессией, считала её своим призванием. Гордилась своим отцом, который тоже был историком. Так что мой выбор можно отнести к продолжению семейных традиций» [20]. В ряде случаев на выбор профессии оказали некоторую роль второстепенные факторы, среди которых надо отметить такие, как советы родственников, подражание знакомым, возможность поступления в конкретный вуз, в частности, в СПИ. Семипалатинский историк, доцент Г. М. Байпеисова вспоминает: «Когда я поступала в Семипалатинский педагогический институт, конкурс на специальность историка был очень высокий, больше пяти человек на место, профессия историка считалась престижной, приносящей пользу обществу. Ну, и, конечно, то, что институт находился в моем родном городе, сыграло не последнюю роль» [21].

Другой важной характеристикой научной повседневности историка является его социальное самочувствие. Как отмечают в своей статье «Особенности социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции в начале XXI века» авторы И. Н. Смирнова и А. А. Смирнова, социальное самочувствие – это эмоционально-оценочное отношение человека к своему социальному статусу и системе взаимоотношений, его показателем является удовлетворённость условиями существования и своими достижениями [22]. Они считают, что социальное самочувствие педагогов необходимо рассматривать через показатели престижности профессии, материального благосостояния, профессиональной идентичности, удовлетворённости жизнью и профессией. Что касается исследуемой группы семипалатинских учёных-историков, то большинство из них отмечают престижность профессии историка и воспринимают её как своё призвание. Они отмечают удовлетворённость жизнью и профессией, а также реализацию своих профессиональных амбиций. Вот как характеризует своё отношение к профессии историка и своим коллегам кандидат исторических наук М. Х. Матаева: «Наиболее характерная черта моих коллег — это любовь к своему делу. Все они очень умные люди, интеллектуалы, увлечённые своими исследованиями, преданные своему делу, интересные собеседники» [23].

Период профессионального становления учёных-историков 90-х годов – это время меняющегося идеологического климата: от тотального идеологического контроля 70-х, пришедших на начало профессионального роста исследуемой социальной группы, до расцвета плюрализма периода перестройки в 80-е годы.

Эти тенденции хорошо прослеживаются на примере проблематики защищённых в 80-е кандидатских и планируемых в 90-е годы докторских диссертаций. Так, если в 80-е годы примерно в 90

% названий защищённых историками научных работ, как свидетельствуют данные годовых отчётов научно-исследовательской работы кафедр, присутствовали понятия «партия», «партийное руководство» («Партийное руководство общественными организациями Казахстана», «Комсомол Казахстана — помощник партийной организации в организации социалистического соревнования в сельском хозяйстве»), то в изменившихся условиях 90-х годов семипалатинские историки выбирают новые направления исследований [24, Л. 22-26].

В целом, наблюдается интерес к освещению ранее закрытых тем, стремление по-новому осмыслить проблемы дореволюционной и советской истории. Становятся актуальными проблемы этногенеза и формирования казахской нации, история освоения Россией казахских земель, проблемы казахской государственности. Так, по данным годового отчёта о работе кафедры социально-политической истории и политологии СПИ за 1991-1992 годы учёные кафедры утверждают темы докторских диссертаций, отражающие новые тенденции в развитии казахстанской исторической науки, в частности такие темы, как «Развитие социальной сферы на селе в условиях перехода к рыночным отношениям» (канд.ист.наук, доцент С. М. Борбасов), «Партия Алаш: история и историография» (к.и.н., доцент Д. А. Аманжолова), «Исторический опыт решения женского вопроса в Казахстане 1917-1941 гг.» (к.и.н, доцент Р. О. Балгозина) [24, Л.21].

Поиск новой проблематики исследований находит отражение и в переименовании таких структурных подразделений вуза, как кафедра. Этот процесс был характерным для всех вузов города. При переименовании кафедр вузы города руководствовались решением Координационного Совета по проблемам преподавания социально-политических дисциплин Министерства народного образования Республики Казахстан от 6 января 1992 года №2 «Об обновлении структуры и содержания преподавания социально-политических наук в вузах республики». Вместо кафедр теории социализма, истории КПСС [Коммунистической партии Советского Союза], истории СССР появлялись кафедры социально-политической истории, политической истории, истории и культуры Казахстана.

Таким образом, процесс изменения научной проблематики исторических исследований был сложным и неоднозначным. Оценивая его, академик М. К. Козыбаев в статье «Зная прошлое, видишь и перспективу развития страны», опубликованной в газете Казахстанская правда от 6 января 1996 года, пишет: «Задача академического гуманитарного знания в данном случае состоит в воспитании более объёмного, выходящего за рамки узконационального видения истории, в ломке биполярного толкования мира, в приобщении к глобальной сокровищнице исторического знания» [25, с.13].

Такой параметр научной повседневности историка, как структура времени, очень важен для реконструкции общей картины жизни учёного. Профессиональный быт семипалатинских учёных 90-х годов складывался из преподавательской и научной деятельности.

Обращаясь к архивным данным годовых отчётов кафедр вузов города исследуемого периода, можно отметить чёткую структуру профессиональной деятельности, включавшую учебно-методическую, научно-исследовательскую, воспитательную работу.

Преподавательская или учебно-методическая деятельность историков была очень насыщенной: проведение лекционных и семинарских занятий, совершенствование материала лекционных курсов, написание учебно-методических пособий и рекомендаций. Исходя из расчёта часов учебной нагрузки кафедр, составлялись индивидуальные планы преподавателей. В среднем, годовая нагрузка преподавателя вуза составляла 600 часов [26, Л.39]. Учебная нагрузка преподавателей отличалась в зависимости от стажа работы, учёного звания и занимаемой должности. Кроме того, нормы учебной нагрузки могли регулироваться решениями Учёных Советов вузов города. Если мы обратимся к Справке по самоаттестации Семипалатинского технологического института мясной и молочной продукции за 1993 год, то увидим, что кафедры общественных наук (политической истории, социально-политических наук, полит-экономики) имеют учебную нагрузку ниже, чем кафедры, ведущие специальные дисциплины, в пределах 550 – 720 часов в год. Нагрузка заведующего кафедрой в этот период равнялась 550-620 часам, несколько большей она была у профессоров и доцентов историков, около 620-720 учебных часов в год [18, Л.53].

Важной структурой повседневности учёного является коммуникация в научной среде. Структура коммуникации в науке, в частности в исторической науке, представляется достаточно сложной. Свой вариант коммуникационной структуры науки даёт в работе «Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта)» омский исследователь повседневности В.П. Корзун. Типология научных коммуникаций представлена у неё по ряду критериев: по направленности, по акторам, по способу трансляции информации, по критерию иерархичности и другим [27].

Можно говорить о двух видах «интеллектуальной коммуникации», принятых в среде учёных: официальной, предполагающей общение на различного рода конференциях, участие в дискуссиях и совещаниях, коллективных проектах, и неофициальной, включающей коммуникацию в различного рода кружках, научных объединениях и научных школах.

Обращаясь к архивным делам, содержащим протоколы, справки, программы научно-методических и теоретических конференций, тезисы докладов преподавателей, можно констатировать, что научно-практические и научно-теоретические конференции, в рамках которых осуществлялась повседневная интеллектуальная коммуникация семипалатинских историков, в 90-е годы были широко распространённым явлением. Учёные-историки г. Семипалатинска в этот период принимали участие в конференциях, отражавших тенденции развития современного им общества, как республиканского, так и международного уровня. Так, в 1991 году историки города приняли участие в работе диалоговой площадки научно-теоретической конференции «Демократизация общества и социальная справедливость», организованной Институтом повышения квалификации преподавателей общественных наук при КазГУ имени Кирова и Алма-Атинской городской организацией Казахского философского общества [28, Л. 9].

В этот период в СПИ проходят на регулярной основе организованные вузом конференции, такие как Внутривузовские педагогические и Абайские чтения, на которых ведущие историки кафедр историко-педагогического факультета (к.и.н. А. И. Исин, к.и.н. Е. Г. Егорова, к.и.н. Е. И. Велигура, к.и.н. Ф.С. Рамазанова и другие) обмениваются мнениями по методике преподавания исторических дисциплин, освещению «белых пятен истории». Кроме того, интеллектуальная коммуникация учёных выражалась в рецензировании текстов лекций, разработанных преподавателями, обсуждение которых было частой практикой работы заседаний кафедр. Как справедливо отмечает И. М. Козыбаев, «Будить мысль, давать объективную оценку проделанному исследователями, информировать общественность о результатах изысканий, что по сути, как и дискуссии, является диалектикой науки – это функция рецензий и историографических обзоров» [5, с.112].

Заключение. Категория «научная повседневность» понимается повседневной историей как определенный жизненный уклад в науке, как структурный компонент жизненного опыта ученого, включающий обычаи, поведенческие стереотипы, обусловленные личными качествами и социокультурной, в том числе внутринаучной средой.

Научная повседневность казахстанских историков 90-х годов двадцатого века была определена рядом факторов. В рассматриваемый период перед поколением учёных-историков стояла важная задача – объективно воссоздать историю своей страны, сформировать новое историческое сознание в условиях становления независимого Казахстана. Социокультурные условия, в которых историкам предстояло решать эти задачи, были сложными: историческое сознание масс было незрелым, неготовым к восприятию происходивших перемен, принижалась роль исторической науки, на неё возлагалась ответственность за ошибки прошлого и текущие проблемы. Поколению историков 90-х годов предстояла огромная работа: сформировать новое историческое сознание, определить место Казахстана в мировой истории, создать корпус историков нового поколения для решения задач формирования исторического сознания в новом независимом Казахстане.

Подводя итоги данному исследованию, авторы пришли к следующим выводам:

1. Наличие двух этапов – формирующего и продуктивного – является типичным для становления поколения учёных. Представители научного сообщества историков г. Семипалатинска не являются исключением: обучение в вузе, аспирантуре, определение темы научного поиска, защита кандидатской диссертации, имевшее место у них на формирующем этапе, реализовалось на продуктивном этапе в виде результатов исследовательской деятельности.

2. Научная повседневность исследуемой социальной группы является определенным жизненным укладом в науке с характерными структурными компонентами, такими как: мотивация выбора профессии и социальное самочувствие историка, выбор научной проблематики, структура времени, коммуникация в научной среде с её обычаями и поведенческими стереотипами. Исследуемая на основе как макросоциальных, так и микросоциальных факторов, она может рассматриваться в равной степени как условие, способствующее формированию учёного, так и как результат его научной и педагогической практики. В целом, по мере осуществления профессиональной деятельности учёных меняется и сама научная повседневность.

3. На основе реконструкции повседневности профессионального сообщества историков поколения 90-х годов г. Семипалатинска, был создан портрет учёного-историка, показывающий наиболее характерные особенности повседневной профессиональной деятельности специалиста. Следует отметить, что научное сообщество историков г. Семипалатинска включало представителей разного возраста, национальности, пола и социального происхождения. Анализ качественных и количественных

показателей исследуемой социальной группы позволил сделать вывод о том, что наиболее характерным репрезентантом научного сообщества историков г. Семипалатинска была женщина примерно 40 лет, казашка по национальности из социальной среды учителей или служащих.

4. Как показало исследование данной социальной группы, научное сообщество историков, представляя значимую социальную группу, оказывающую решающее влияние на формирование ментальности и мировоззрения людей, всегда находится на переднем крае идеологической борьбы. В сложной идеологической обстановке 90-х годов периода формирования нового исторического сознания историки Казахстана, в том числе и историки научного сообщества города, справились с выполнением стоявших в этот период перед казахстанской исторической наукой задач, а именно: исследовали «белые пятна» казахстанской истории, обратившись к ранее закрытым для изучения темам, способствовали обновлению методологии исторических исследований, сделали переоценку накопленного исторического материала.

Список литературы:

1. Семей. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Кефнер Н. В. *Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 – Отечественная история / Кефнер Наталья Валерьевна. – Омск, 2006. – 330 с.*
3. Токаев К.-Ж.К. *Абай и Казахстан в XXI веке. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-erevan/press/article/details/8286?lang=ru*
4. *Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан. – Алматы: Казахстан, 1995. – 32 с.*
5. Козыбаев И. М. *Историческая наука Казахстана (40–80-е годы XX века) / И. М. Козыбаев. – Алма-Ата: Наука, 1992. – 149 с.*
6. Мажитов С. Ф. *Историческая наука Казахстана: современное состояние и тенденции развития / С.Ф. Мажитов. – Алматы: Ассоциация издателей и книготорговцев Казахстана, 2013. – 328 с.*
7. Александров Д. А. *Методологические проблемы историко-научных исследований // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – № 4. – С. 322–327.*
8. Антипина В. А. *Повседневная жизнь советских писателей в 1930-х начале 1950-х гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.09 – Отечественная история / Антипина Валентина Алексеевна. – М., 2005. – 25 с.*
9. Simonton D. K. *Scientific genius: A psychology of science / D. K. Simonton. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1988. – 229 p.*
10. Simonton D. K. *History and the eminent person (Genius and eminence) / D. K. Simonton. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. – 189 p.*
11. Козыбаев И. М. *Историография Казахстана: уроки истории / И. М. Козыбаев. – Алма-Ата: Рауан, 1990. – 136 с.*
12. Сидорова Л.А. *Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: историографический вестник. – 2004. Историографический вестник. – М.: Наука, 2005. – С. 208–223.*
13. Сидорова Л.А. *Когнитивные возможности генерационного подхода в изучении истории исторической науки // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Нижневартовск, 2012. – С. 460–462.*
14. Сидорова Л.А. *Генерационный подход в изучении истории исторической науки // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: тезисы докладов международной конференции. – Нижний Новгород, 2008. – С. 4–7.*
15. *Посчитано по: Центр документации новейшей истории г. Семей (далее ЦДНИ), Ф. 1403. Оп. 3. Д. 2530. Л.5–7, 31–34; Ф. 1417. Оп. 3. Д. 493. Л. 23–24; Ф. 1486. Оп. 7. Д. 224. Л. 69–70.*
16. ЦДНИ. Ф. 1403. Оп. 3. Д. 2530.
17. ЦДНИ. Ф. 1417. Оп. 3 продолжение. Д. 493.
18. ЦДНИ. Ф. 1486. Оп. 7. Д. 224.
19. SHAKARIM UNIVERSITY: *История университета. – URL: https://shakarim.edu.kz/pages/universitet/istoriya-universiteta*
20. *Аудиозапись биографической беседы с Рамазановой Ф. С. (1958 г. р.), записано И. Ю. Анисимовой в Семее в 2021 г.*

21. Аудиозапись биографической беседы с Байнеусовой Г. М. (1956 г. р.), записано И.Ю. Анисимовой в Семее в 2021 г.
22. Смирнова И. Н., Смирнова А. А. Особенности социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции в начале XXI века // *Интеллигенция и мир* – 2016. – № 3. – С. 33–55. URL: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligents... (дата обращения: 13.04.2021).
23. Аудиозапись биографической беседы с Матаевой М. Х. (1959 г.р.), записано И. Ю. Анисимовой в Семее в 2021 г.
24. ЦДНИ. Ф. 1403. Оп. 3 продолжение. Д. 2359.
25. Козыбаев М. К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды) / М. К. Козыбаев. – Алматы: Ғылым, 2006. – 272 с.
26. ЦДНИ. Ф. 1403. Оп. 3 продолжение. Д. 2352.
27. Корзун В. П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) / В. П. Корзун. – Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 2012. – 109 с.
28. ЦДНИ. Ф. 1486. Оп. 7. Д. 925.

References:

1. Semej [Semey]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Kefner N. V. Nauchnaya povsednevnost poslevoynnogo pokoleniya sovetских istorikov [Scientific everyday life of the post-war generation of Soviet historians] dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09 – Otechestvennaya istoriya. [Dissertation, Candidate of Historical Sciences, 07.00.09 – Domestic History] / Kefner Natal'ya Valer'evna. – Omsk, 2006. – 330 p. [in Russian].
3. Токаев К.- ЗН. К. Abaj i Kazakhstan v XX veke [Abai and Kazakhstan in the XXI century]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-erevan/press/article/details/8286?lang=ru> [in Russian].
4. Konceptiya stanovleniya istoricheskogo soznaniya v Respublike Kazahstan [The concept of the formation of historical consciousness in the Republic of Kazakhstan]. – Almaty: Kazakhstan, 1995. – 32 s.
5. Kozybayev I. M. Istoricheskaya nauka Kazakhstana (40-80-e gody XX veka) [Historical science of Kazakhstan (40–80-ies of the twentieth century)] / I. M. Kozybayev. – Alma-Ata: Nauka, 1992. – 149 p. [in Russian].
6. Mazhitov S. F. Istoricheskaya nauka Kazakhstana: sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Historical science of Kazakhstan: current state and development trends] / S. F. Mazhitov. – Almaty: Association of Publishers and Book Distributors of Kazakhstan, 2013. – 328 p. [in Russian].
7. Aleksandrov D. A. Metodologicheskiye problemy istoriko-nauchnykh issledovaniy [Methodological problems of historical and scientific research]. // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology]. 1994. – № 4. – P. 322–327.
8. Antipina V. A. Povsednevnyaya zhizn sovetских pisateley v 1930-kh nachale 1950-kh gg. [Everyday life of Soviet writers in the 1930-s and early 1950-s.] avtoref. diss. kand. ist. nauk: 07.00.09 – Otechestvennaya istoriya. [Dissertation Abstract, Candidate of Historical Sciences: 07.00.09 – Domestic History] / Antipina Valentina Alekseevna. – M., 2005. – 25 p. [in Russian].
9. Simonton D. K. Scientific genius: A psychology of science / D. K. Simonton. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1988. – 229 p. [in English]
10. Simonton D. K. History and the eminent person (Genius and eminence) / D. K. Simonton. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. – 189 p. [in English]
11. Kozybayev I. M. Istorioografiya Kazakhstana: uroki istorii [Historiography of Kazakhstan: history lessons] / I. M. Kozybayev. – Alma-Ata: Rauan, 1990. – 136 p. [in Russian].
12. Sidorova L. A. Sovetskiye istoriki poslevoynnogo pokoleniya: sobiratelnyy obraz i individualiziruyushchiye cherty [Soviet historians of the post-war generation: collective image and individualizing features] // *Istoriya i istoriki: istoriograficheskiy vestnik* [History and historians: Historiographical Bulletin]. 2004, M. – P. 208–223 [in Russian].
13. Sidorova L. A. Kognitivnyye vozmozhnosti generatsionnogo podkhoda v izuchenii istorii istoricheskoy nauki [Cognitive possibilities of the generational approach in the study of the history of historical science] // *Kultura. nauka. obrazovaniye: problemy i perspektivy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Culture, science, education: problems and prospects: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Nizhnevartovsk, 2012. – P. 460–462 [in Russian].
14. Sidorova L. A. Generatsionnyy podkhod v izuchenii istorii istoricheskoy nauki [Generational approach in the study of the history of historical science] // *Tysyacheletniye razvitiya obshchestvenno-politicheskoy i istoricheskoy mysli Rossii: tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii* [The Millennium of the development

of socio-political and historical thought in Russia: abstracts of the reports of the international conference]. Nizhniy Novgorod, 2008. – P. 4–7 [in Russian].

15. Poschitano po: Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii g. Semey (daleye TsDNI) [Calculated by: The Center for Documentation of the Modern History of Semey (hereinafter CDMH)]. F. 1403. Op. 3. D. 2530. L. 5-7. 31–34; F. 1417. Op. 3. D. 493. L. 23–24; F. 1486. Op. 7. D. 224. L. 69-70 [in Russian].

16. TsDNI [CDMH]. F. 1403. Op. 3. D. 2530 [in Russian].

17. TsDNI [CDMH]. F. 1417. Op. 3 prodolzheniye. D. 493 [in Russian].

18. TsDNI [CDMH]. F. 1486. Op. 7. D. 224 [in Russian].

19. SHAKARIM UNIVERSITY: Istoriya universiteta [History of the university]. – URL: <https://shakarim.edu.kz/pages/universitet/istoriya-universiteta>– Rezhim dostupa: <http://shakarim.g-it.kz/ru/>

20. Audiozapis biograficheskoy besedy s Ramazanovoy F. S. (1958 g. r.) [Audio recording of a biographical conversation with Ramazanova F.S.], zapisano I. Yu. Anisimovoy v Semeye v 2021 g. [recorded by I. Y. Anisimova in Semey in 2021] [in Russian].

21. Audiozapis biograficheskoy besedy s Baypeisovoy G. M. (1956 g. r.) [Audio recording of a biographical conversation with Baypeisova G.M.], zapisano I. Yu. Anisimovoy v Semeye v 2021 g. [recorded by I. Y. Anisimova in Semey in 2021] [in Russian].

22. Smirnova I. N., Smirnova A. A. Osobennosti sotsialnogo samochuvstviya provintsialnoy uchitelskoy intelligentsii v nachale XXI veka [Features of the social well-being of the provincial teaching intelligentsia at the beginning of the XXI century] // *Intelligentsiya i mir* [The intelligentsia and the world]. 2016. – № 3. – P. 33–55. Available at: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligents... [in Russian]. (accessed: 13.04.2021).

23. Audiozapis biograficheskoy besedy s Matayevoy M. Kh. (1959 g. r.) [Audio recording of a biographical conversation with Mataeva M. H.], zapisano I. Yu. Anisimovoy v Semeye v 2021 g. [recorded by I. Y. Anisimova in Semey in 2021] [in Russian].

24. TsDNI [CDMH]. F. 1403. Op. 3 prodolzheniye. D. 2359 [in Russian].

25. Kozybayev M. K. Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana (Izbrannyye trudy) [Problems of methodology, historiography and source studies of the history of Kazakhstan (Selected works)] / M. K. Kozybayev. – Almaty: Gylym, 2006. – 272 p. [in Russian].

26. TsDNI [CDMH]. F. 1403. Op. 3 prodolzheniye. D. 2352 [in Russian].

27. Korzun V. P. Nauchnyye soobshchestva istorikov Rossii: praktiki antropologicheskogo opisaniya (iz lektsionnogo opyta) [Scientific communities of historians of Russia: practices of anthropological description (from lecture experience)] / V. P. Korzun. – Chelyabinsk: Chelyabinsk University Publishing House, 2012. – 109 p. [in Russian].

28. TsDNI [CDMH]. F. 1486. Op. 7. D. 925 [in Russian].